

<http://marketing.by/novosti-rynka/vkontakte-sobrala-klyuchevuyu-statistiku-po-sotssetyam-v-belarusi/>. – Дата доступа: 14.09.2017. – Загл. с экрана.

9. Средства рекламы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adindustry.ru/advertising-media>. – Дата доступа: 14.09.2017. – Загл. с экрана.

Мойсейчук С.Б.

Реализация педагогического потенциала культурно-образовательной среды: субъектно-творческий подход

В словаре-справочнике «Эффективная коммуникация: история, теория, практика» совершенно справедливо акцентируется внимание на том, что в современном информационном пространстве, содержание которого определяется средствами массовой коммуникации, человек не может в полной мере удовлетворить свои коммуникативные потребности в силу их (человека и информационного пространства) содержательного и структурного несоответствия. В этих условиях ответственность за духовно-нравственное воспитание человека возлагается на образовательное пространство, возможности которого необходимо использовать, прежде всего, для трансляции информации просветительского характера, которая будет способствовать созданию мировоззренческой картины мира в сознании обучающихся и систематизации их представлений о социокультурном пространстве. В такой ситуации образовательное пространство выполняет новую для себя функцию "гуманитарной экспертизы" (Б.Г. Юдин) по отношению к информационному пространству [3, с.289-290].

Исследование и осмысление проблемы реализации педагогического потенциала культурно-образовательного пространства развития личности может находиться в предметном поле таких фундаментальных наук как философия, эстетика, культурология, социология и др. Наш авторский ракурс лежит в плоскости прикладной культурологии и теории социально-культурной деятельности как областей культурологического знания, определяющей в числе прочего «механизмы создания благоприятной культурной среды, обосновывающей технологию обеспечения условий для реализации духовно-эвристических и художественно-

творческих потенций людей, проявления их социально-культурной активности» [1, с. 462].

Магистральное направление развития педагогических наук, в том числе и такой ее области как прикладная культурология, определяется формированием социокультурной образовательной среды, задающий широкий ценностно-смысловой контекст развития личности в рамках образовательных систем. Сегодня все активнее разрабатывается личностно-ориентированная стратегия совершенствования образования, предполагающая создание таких условий для человека, при которых он стал бы точкой отсчета при выборе средств, способов, форм и методов, другими словами технологий образовательно-воспитательного процесса. Именно усиление культурологического аспекта образования детерминирует разработку и реализацию новых педагогических и социально-культурных технологий.

Наряду с общественными ценностями в сфере досуга существуют и индивидуальные, личностные ценности. С одной стороны, есть человек со своими духовными потребностями и соответствующей им позицией по отношению к досугу, с другой – общество, со своим стремлением побудить личность к позитивному социально-значимому самоутверждению. И здесь со всей очевидностью встает вопрос о детерминированности, взаимосвязи творческой деятельности в сфере досуга и культурно-образовательной среды.

Таким образом, идея формирования культурно-образовательного пространства как условия культурного становления личности, необходимого элемента педагогической системы образовательного учреждения, имеет объективную обусловленность.

Более того, актуальность проблемы реализации педагогического потенциала культурно-образовательной среды посредством субъектно-творческого подхода оптимизации определяется, по мнению исследователей, рядом педагогических противоречий:

- между возросшими требованиями государства к специалисту, конкурентоспособному на рынке труда, и недостаточно адекватной профессиональной и личностной подготовкой выпускников высших учебных заведений к новым социальным условиям;
- между усложнением задач профессиональной деятельности специалистов в условиях современного общества и необходимостью модернизации существующей системы их подготовки в вузах;

– между существующими потенциальными возможностями культурно-образовательной среды современного вуза и их реальным использованием в процессе личностно-профессионального становления будущего молодого специалиста;

– между объективной необходимостью создания педагогических условий, обеспечивающих продуктивность процесса личностно-профессионального становления специалистов в культурно-образовательном пространстве современного вуза и недостаточным организационно-педагогическим обеспечением данного процесса.

Исследователи Н.А.Лызь и Н.А.Познина определяют образовательную среду как «организованная система условий, влияний и возможностей, *преобразующихся* (курсив наш) в соответствии с потребностями и целями учащихся в факторы развития и саморазвития» [2,с.65]. Эта доминирующая характеристика, а именно способность к преобразованию, трансформации, ее детерминированность личностными факторами, такими как потребности субъектов образовательного процесса, (не только учащегося, но и педагога) определяет выделенные ими же личностно-развивающие функции образовательной среды, а именно:

1. Образовательная среда должна включать в себя психологические стимулы, актуализирующие потребности учащихся в саморазвитии и востребующие его личностные проявления.
2. Образовательная среда должна иметь все необходимое, чтобы выступать источником и «поставщиком» для личности новой информации, социокультурных норм, ценностей, идеалов, образцов личностного развития.
3. Образовательная среда должна содержать процессуальные возможности для свободной творческой самореализации личности, апробации ее ценностей, смыслов, убеждений для выбора социальных ролей и моделей поведения, для достижения актуальных жизненных целей и удовлетворения образовательных потребностей [2, с. 67].

В последнее время в отечественной и зарубежной педагогике и психологии утверждается гуманистический, субъектно-творческий подход к воспитанию, основанный на признании самоценности и уникальных творческих дарований учащихся, направленный на диалогическое взаимодействие с ними, на выявление потенциальных возможностей, активизацию их внутренних сил и резервов через

включение в разнообразные виды и формы творческой деятельности. При этом сами учащиеся рассматриваются не как объекты воспитания, а как субъекты собственного самосовершенствования и самотворчества.

Однако далеко не всякая деятельность оказывает на личность формирующее и развивающее влияние, в силу чего деятельностный подход к самовоспитанию с необходимостью должен быть дополнен личностным, акцентирующим внимание на субъекте деятельности, на его отношении к этой деятельности и на том смысле, который он (активный субъект) в нее вкладывает.

Если из всего многообразия деятельности выделять проектную, то конкретно художественно-творческие проекты являются показателями способности студентов к созданию идеального плана действий, позволяющего возвысить человека до уровня активизации его эмоционально-чувственной сферы. Работа над проектом в целом – процесс творческий. Он требует от студентов владения навыками анализа социокультурной ситуации, поиска адекватного варианта решения проблем, волнующих общество, неустанной работы над саморазвитием и расширением своего художественно-эстетического опыта, ценностно-ориентационной направленности. Самореализация студенческой молодежи в культурно-образовательном, развивающем пространстве вуза через включение в художественно-творческие проекты предполагает приобщение ее к высшим духовным ценностям, нравственно-этическим нормам культуры. Творческие проекты, реализуемые в культурно-образовательной среде учреждения высшего образования, формируют также оригинальную студенческую субкультуру конкретного учреждения, которая, тем не менее, базируется на духовной культуре общества и социума.

Субъектно-творческий подход в реализации педагогического потенциала культурно-образовательной среды требует учета следующего комплекса педагогических условий:

- сочетание личностно-ориентированного, деятельностного и компетентностного подходов в процессе организации учебной и досуговой деятельности студентов, предполагающее использование разнообразных форм, методов обучения и способов деятельности с учётом индивидуальных особенностей и исходного уровня подготовленности обучающихся. Целью реализации первого условия является формирование интеллектуально-развитой, творчески

ориентированной личности, способной к дальнейшему самообразованию и саморазвитию;

- субъект-субъектное взаимодействие преподавателей и студентов, которое определяет положение студента в образовательном процессе как активного субъекта деятельности. Всестороннее развитие личности выступает необходимым условием успешности образования, а формирование её субъектных свойств – высшим показателем его эффективности. Данное условие позволяет повысить активность студента как субъекта образовательного процесса, расширить границы его творчества, что способствует в свою очередь формированию общих профессионально значимых качеств;

- сочетание коллективных, групповых и индивидуальных форм организации культурно-образовательного процесса.

- направленность всей педагогической системы на культурно-образовательную подготовку творческого, активного, свободного человека, ориентированного в своей жизни не только на высокие собственные достижения, но и на общий успех окружающих его людей, организаций, сообществ.

Список литературы

1. Ариарский, М.А. Прикладная культурология как область научного знания и социальной практики / М.А.Ариарский – СПб: Изд-во «Анатолия», 1999 .
2. Лызь, Н.А. Педагогические риски технизированных образовательных сред / Н.А. Лызь, Н.А.Познина // Адукацыя і выхаванне. – 2010. – №9. – С.63-71
3. Эффективная коммуникация: история, теория, практика: Словарь-справочник / Отв. ред. М.ИЛанов. - М.: ООО "Агентство - КРПА Олимп", 2005. -С. 591.

Муртузалиева Е.А.

В.С. Соловьев в оценке Д.С. Мережковского

Работа Д.С. Мережковского «Немой пророк» (1908) была написана после публикации в 1908 году в журнале «Минувшие годы» воспоминаний о В. Соловьеве его сестры, М.С. Безобразовой.

Интерес наш к этой работе продиктован как изучением критического наследия Д.С. Мережковского, так и развитием темы взаимоотношений Мережковского и В. Соловьева в свете оценки

этими критиками творчества М. Ю. Лермонтова. Предметом нашего исследования является жанровое своеобразие этой работы (статья? эссе или эссе, как один из жанров критической прозы? статья «по поводу»?), а также методология и принципы литературно-критического анализа, степень влияния художественной манеры Мережковского на его критический метод.

Немаловажным фактором в решении поставленных задач являются суждения о критике, которые Мережковский дает в начале работы. Уже первые три абзаца демонстрируют сочетание субъективного подхода с отдельными объективными высказываниями. «Сами по себе довольно поверхностные, они (воспоминания сестры В. Соловьева; выделено нами - Е.М.) ценны и любопытны ввиду нищенской скудости сведений о жизни и личности покойного писателя» [4, с.116].

Следующий абзац формулирует сразу две проблемы: первая связана с осознанием важности, необходимости биографического подхода в исследовании творчества писателя. Вторая – с сущностью самой критики.

«Благоговейные ученики превозносят учителя в однообразных панегириках. Но настоящей биографии, настоящей критики, той, которая воспроизводит живое лицо не только писателя, но и человека, до сих пор нет и, пожалуй, еще не скоро будет. Благоговение убивает критику. Чтобы судить, надо знать; чтобы знать, надо определить; чтобы определить, надо ограничить, т. е. умерить благоговение» [4, с. 116] (выделено нами. – Е.М.). Этот своеобразный «кодекс критика» имеет, несомненно, эстетический характер, близкий взглядам на критику Ф.М. Достоевского. Вытекает он из особенностей характера «писательской критики», критической прозы, где задачей критика является не только анализ художественного произведения, но и художественное изложение своих впечатлений.

В этих же словах критика нам видится намек на критическую полемику по поводу личности и творчества Достоевского, полемику, в которой отправными точками стали статья Н. К. Михайловского «Жестокий талант» и «Три речи в память Достоевского» В. С. Соловьева. Отсюда и возникает тема «проповедничества», «пророчества» и «благоговения». Здесь же заложена основная идея работы Мережковского, обозначенная еще в названии, но к этому вопросу мы вернемся ниже.

Мережковский, таким образом, берет на себя функцию критика, стремящегося несколькими эпизодами-штрихами из жизни Соловьева (почерпнутыми из воспоминаний М. С. Безобразовой) снять «благоговейный глянец» с В. С. Соловьева. «Но этого черного, теневой стороны, никто не хочет или не может увидеть в лице Вл. Соловьева, которое, расплываясь в ровном свете, остается неопределенным и не значительным. Безличное совершенство, образец христианских добродетелей вообще, великий человек вообще - «обыкновенный необыкновенный человек», как он сам будто бы смеялся над собою.

Чтобы дать выпуклый образ, надо обойти предмет, обнять его взглядом, увидеть обратную сторону медали. Лицевую сторону соловьевской медали видят все, обратную - никто» [(4, с. 116)]. По мнению Мережковского, такая тенденция губительна для памяти Соловьева.

Как видим, здесь под свои суждения Мережковский подводит теоретическую базу критики, однако степень объективности-субъективности критика предстоит оценивать конкретно, и здесь важную роль играет мотивация. С одной стороны, следует учитывать отношение В.С. Соловьева к символизму, с другой, - тот факт, что сам Владимир Соловьев признавался символистами предтечей русского символизма. Кроме того, наблюдается определенное сходство, близость критических критериев Мережковского критериям В. Соловьева. Критика В. Соловьева предвосхитила некоторые принципы символистской критики.

Главный акцент, создавая образ Соловьева, Мережковский делает на его религиозно-философских взглядах, ссылаясь каждый раз на отдельные фрагменты воспоминаний сестры Соловьева. Начиная с цитируемого утверждения о детском атеизме (или сомнении в вере), Мережковский приходит к общей оценке философских произведений В. Соловьева, и именно эта оценка является свидетельством начинающегося расхождения во взглядах.

«...вся эта соловьевская «чертовщина», соловьевское «подполье», и, может быть, соловьевский «бунт» почти никаких следов на его философских произведениях не оставили. Тут все стройно, ясно, гладко, даже слишком гладко, выглажено, вылощено. <...> Отточенная диалектика. <...> Исполинское зодчество, напоминающее храм св. Софии. Но, говорят, первый свод Софии рухнул от землетрясения...» [4, с. 118].

Для Мережковского важнее другое: не то, о чем сказано, а то, о чем Соловьев умолчал. «Об этом-то грозящем натиске подземных сил (опасность атеизма – Е.М.) <...> - об этом натиске Вл. Соловьев сам ничего не говорит или говорит не словами, а мановениями, знаками, как немой. Да, немой, несмотря на десяток томов сочинений» [4, с. 118-119]. Здесь у Мережковского тема «немого пророчества» уже заявлена прямо.

Обращает на себя внимание и то, что Мережковский помещает «своего» Соловьева, образ которого он создает, в систему координат Достоевского. «Подполье», «чертовщина», «бунт», и все это с эпитетом «соловьевские» - явная отсылка к «карамазовским» «чертовщине, бунту, подполью». Отсюда и следующая фраза о немоте. О чертовщине не говорят вслух, о сомнениях молчат. Не случайным акцентом выглядит и упоминание о взгляде В. Соловьева, как взгляде человека, у которого бывают галлюцинации. Интересно, что, говоря о наблюдениях Достоевского по этому поводу, Мережковский «умалчивает», но ассоциативно намекает на Ивана Карамазова и Льва Николаевича Мышкина. Выводы предлагается сделать читателю, впрочем, к этим выводам критик довольно прозрачно подталкивает.

Следующий «шаг» Мережковского - вписать Соловьева в «систему координат» «типологии русских писателей», в чем, при всей кажущейся объективности Мережковского, просматривается один из пунктов метода субъективной критики, подчиненность генеральной задаче своей статьи.

«Существует два рода писателей: одни, подобно Л. Толстому и Пушкину, в своих произведениях открываются, другие, как Лермонтов и Гоголь, за ними скрываются. Кажется, к последнему роду писателей принадлежит и Вл. Соловьев. Все они более или менее умеют «делать хорошее лицо при скверной игре». Когда же становится невмочь, то смеющиеся, подобно Гоголю, начинают плакать, а плачущие, подобно Вл. Соловьеву, - смеяться; но даже в эти минуты величайшей откровенности, когда, кажется, вот-вот готовы они выплакать и высмеять себя до конца, окружающие подозревают их в притворстве, в юродстве, и никто не верит ни этому жуткому плачу, ни этому еще более жуткому смеху» [4, с. 119].

Если первая часть сентенции представляется вполне объективной, то далее, по своему обыкновению, Мережковский делает выводы субъективного толка, и тут же приводит целый ряд

фрагментов из воспоминаний М. С. Безобразовой, «доказывающих» его, критика, правоту, причем подытоживает их своими комментариями. «Предтеча и Мармеладов, пророк и шут. Как соединить или разъединить эти два лица?

Я отнюдь не сомневаюсь в подлинной христианской «святости» Вл. Соловьева. Недаром в лице этого русского современного интеллигента мелькают черты Франциска Ассизского или Сергия Радонежского» [4, с. 120], но, цитируя воспоминания вновь, он находит в Соловьеве и черты «донкихотства», тайного славянофильства. «И вот иногда спрашиваешь себя: вся его религиозно-философская система не отвлеченное ли созерцание вместо жизненного действия, не бесплотный ли символ вместо реального воплощения – не розовый ли башмачок?» [4, с. 122].

Опять же, подобное утверждение требует доказательства. Какие же доказательства находит Мережковский? Глубочайший инстинкт Соловьева видится ему в намерении «не разрушать и не созидать, а сохранять и поддерживать, подпирать валящееся здание, чинить и замазывать трещины. <...> Остановить, запрудить всемирный поток разрушения – такова его заветная цель. Вот для чего нужно ему возрождение, т.е. все-таки утверждение старой церковности, старой государственности, старой нравственности. Он - консерватор в высшем смысле этого слова» [4, с. 122].

Основу такой философской и религиозной позиции Мережковский видит в том, что Соловьев – гностик христианства, у которого созерцание первоначальнее действия. Это и является причиной того, что постулаты христианской «реставрации», формулируемые Соловьевым, в глазах Мережковского, нежизнеспособны, идеалистичны, отдаляют его от настоящего.

«Реальное действие соловьевской критики на церковь поразительно ничтожно: критика эта для православия, как жало пчелы для гиппопотамовой кожи: православие, можно сказать, и не почесалось. Л. Толстого все-таки отлучили от церкви. Вл. Соловьева не отлучали и не благословляли, а просто не заметили, как не заметили Чаадаева, Гоголя, Хомякова, Конст. Леонтьева, Достоевского. Воистину страшно это церковное одиночество великого учителя церкви» [4, с. 125].

И теперь уже не важно, что Соловьева называли пророком. Для Мережковского более значимо то, что «реставратор» превращается в тайного «революционера», «ибо что же, как не революция, это

утверждение, что будто бы Христос не в церкви, среди верующих, а в мире, среди безбожников. Одно такое утверждение не грозит ли разрушить всю систему отвлеченного гнозиса, как землетрясение разрушило свод св. Софии?» [4, с. 126]. Вопрос явно риторический. Фактически отвечая на него утвердительно всем ходом своих рассуждений: «да, грозит», Мережковский внешне как бы устраняется от ответа. Но дважды в работе Мережковского звучит этот мотив разрушения собора, как намек на разрушение «софийской соборности» Вл. Соловьева

«Будем надеяться, что тайну вещей немоты его разгадает когда-нибудь более внимательная критика, а пока согласимся, что если Вл. Соловьев действительно предтеча Новой Церкви, то не тем, что он говорил и жил, как мудрец, а тем, что молчал и «умер, как безумец». <...> Вот за что мы любим его, вот чем он близок нам, во всяком случае, ближе, чем остроумный и красноречивый философ, - этот безумный и безмолвный пророк» [4, с. 126].

Еще один ключевой момент в «определении» образа Соловьева у Мережковского - это «прочтение» его через двойную призму: пушкинского «рыцаря бедного» и «рыцаря бедного» Достоевского – князя Мышкина. Строки Пушкина в работе Мережковский цитирует дважды, в первой части статьи и в конце. Как Вл. Соловьев «демифологизировал» Лермонтова, в противовес чему Мережковский создает свой миф о Лермонтове («М.Ю. Лермонтов. – Поэт сверхчеловечества» (1908 - 1909)), так, чуть ранее, Мережковский демифологизирует образ Вл. Соловьева, и это при схожести некоторых их религиозных идей.

Как вспоминала З.Н. Гиппиус, «Мы должны были бы в эти годы сойтись (1897-1900) с Владимиром Соловьевым, но этого почему-то не случилось. <...> Между тем, это был один из самых замечательных религиозных мыслителей, даже европейских, и когда я, уже после его смерти, его перечитывала сплошь – я там нашла столько идей, от которых можно и должно было, приняв их, идти дальше, что не переставала ему удивляться. Д. С. (Мережковский – Е.М.) никогда не читал его пристально, между идеями обоих были совпадения иногда...<...> Я упоминаю об этом замечательном русском философе для того, чтобы подчеркнуть: его идея Вселенской церкви не была у него заимствована Д. С-чем, она к последнему пришла вполне самостоятельно, и даже не вполне с соловьевской совпадала» [3; с. 60,61].

Мережковский называет В. Соловьева «немым пророком», и такая оценка диссонирует с отношением Соловьева к пророчеству вообще. «Соловьев решительно отказывался слыть пророком: «Я в пророки возведен врагами. На смех это дали мне прозвание...» Или писал шутливое стихотворение «Пророк будущего» и пространный комментарий к нему. <...> где заявлял, что завершает «соответствующие стихотворения» Пушкина и Лермонтова <...> и его же, соловьевский, пророк, есть пророк будущего. <...> Он всегда помнил библейские тексты о пророках истинных и ложных. Оттого, например, и к откровениям Розанова и Мережковского, к их «пифизму», относился без снисхождения. Соловьев – не пророк, не проповедник, не праведник. Он - литератор и ученый» [5; с. 14,15].

Но эти два эпизода отнюдь не являются свидетельством того, что между Соловьевым и Мережковским существовали какие-то существенные разногласия, то есть субъективность Мережковского - это издержки его критического метода, не более того, а также – следствие поставленной в работе задачи.

Таким образом, критическая манера Мережковского испытывает влияние его творческой, писательской индивидуальности. Перед нами очередной пример того, как критик уходит от задач критики, оставляя только внешнюю форму, но изменяя внутреннюю и, соответственно, содержание. В известной степени, реальный В. Соловьев становится прототипом образа Соловьева у Мережковского, то есть это не Соловьев, как субъект критики, не художественный образ, а такой образ, который свойственен для критической прозы. Он объединяет в себе признаки художественного и публицистического образа. Мережковский так же схематичен, как и во многих других своих работах.

С жанровой точки зрения, на наш взгляд, «Немой пророк» - это эссе, но эссе, как жанр критической прозы. Это не статья «по поводу» и не очерк, так как в работе отсутствуют чистая, объективная фактичность и критический анализ, тем более, что речь идет не о каком-то конкретно философском трактате или лирике Владимира Соловьева. Главным образом, это размышления Мережковского над религиозно-философскими взглядами Соловьева, предпринятая в импрессионистской манере своеобразная попытка символистскими же средствами снять с них «глянец будущего», примерив их к настоящему. Однако Мережковский не учитывает того, что его построения, в силу их субъективности, являются такой же утопией,

как и «софийская соборность» у Соловьева, и при всех его симпатиях и уважении к русскому религиозному мыслителю, легчайший налет символистской иронии в эссе присутствует. И в итоге, сам Мережковский представляется именно таким, каким увидел его А. Белый: ««А где же Дмитрий Сергеевич?» Нет его: он ушел в метель. <...> А в снежном дыму, запорошенный, идет маленький человек с холодным, холодным лицом, и большие остановившиеся глаза его пронизывают и метель, и город, и пространство, уплывая в иные пространства, в иные времена» [1, с. 10]. Поэт и критик-символист – о писателе, критике, мыслителе-символисте. Мережковский среди метели... Образ сколь символический, столь и верный.

Если же подойти к самому Мережковскому с точки зрения темы пророчества, то можно согласиться со словами В. Н. Быстрова: «Был Мережковский «пророком» или не был, но о нем с полным правом можно сказать пушкинскими словами: «Духовной жаждою томим...» Действительно, у него был беспокойный, вечно чем-то взволнованный ум. Он доискивался смысла бытия, подлинной веры» [2, с. 55].

Список литературы

1. Белый, А. Мережковский: Силуэт. //Мережковский Д.С. «В тихом омуте»: Статьи и исследования разных лет. – М.: «Советский писатель», 1991. – С. 5-12.
2. Быстров, В.Н. Исповедание красоты и веры: Творчество Д. Мережковского-критика //«Русская литература». - №2, 2005. - С. 55–80.
3. Гиппиус-Мережковская, З.Н. Дмитрий Мережковский (часть1) // Серебряный век: Мемуары: Сборник – М.: Известия, 1990. С. 15-111.
4. Мережковский, Д.С. «Немой пророк» // Мережковский Д.С. «В тихом ому-те»: Статьи и исследования разных лет. – М.: «Советский писатель», 1991. – С. 116-127.
5. Цимбаев, Н.И. Классический русский писатель // Соловьев В. С. Смысл любви: Избранные произведения. – М., 1991. - С. 3-26.

Рахматуллаева Б.А.

Предпосылки возникновения и процесс становления кумыкской детской литературы

Проблемы изучения детской литературы в связи с процессами обновления, которые происходят в нашем обществе, имеют ныне не